

Волков Валерий Вячеславович

РОМАН Н. С. ЛЕСКОВА "СОБОРЯНЕ" КАК ОТОБРАЖЕНИЕ И ПРООБРАЗ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

В данной статье система основных персонажей и конфликтов романа Н. С. Лескова "Соборяне" рассматривается, с одной стороны, как отображение драмы русской Церкви в XIX веке, с другой стороны, как прообраз ее трагедии в XX веке. В каждом из этих исторических периодов русская Церковь оказывалась в ситуации информационно-психологической войны со сторонниками вульгарного материализма, атеизма и нигилизма. Для исследования особенностей данной ситуации используется понятийный аппарат культурологической теории языка В. фон Гумбольдта и синергийной антропологии С. С. Хоружего.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. II. С. 45-50. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Вершилов С. А.** Интерпретация понятия «военная безопасность» в зеркале социально-философского анализа [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2015. № 3 (47). URL: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2015-3-22> (дата обращения: 03.07.2015).
2. **Дёмкин Д. В.** Военная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности России в начале XXI века: автореф. дисс. ... к. полит. н. М., 2012. 21 с.
3. **Злобин Н. В.** Второй новый миропорядок: геополитические головоломки. М.: Эксмо, 2009. 320 с.
4. **Капто А. С.** Природа человека в ракурсе войны и мира // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 3. С. 179-197.
5. **Киган Дж.** Война в человеческой истории. М.: ИРИСЭН, 2010.
6. **Коньшев В. Н.** Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. СПб.: Наука, 2000. 372 с.
7. **Серебрянников В. В.** Природа человека: источник войн или миролюбия. М.: Научный мир, 2007. 356 с.
8. **Хрусталёв В. Ю., Цембал В. И.** Военная безопасность России: замыслы и реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 1. С. 34-41.
9. **Щипалов В. В.** Исследование методов поддержки принятия решений высшим военно-политическим руководством по стратегическим вопросам военной безопасности Российской Федерации // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке: сборник науч. статей / под общ. ред. А. В. Квашнина. М.: ГИ ВС РФ, 2004. С. 191-211.
10. **Brzezinski Zb.** Second Chance: Three Presidents and the Crisis of America. N. Y., 2007. 236 p.
11. **Kagan R.** The Return of History and the End of Dreams. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2008. 184 p.
12. **Modelski G., Devezas T., Thompson W. R.** Globalization as Evolutionary Process. Modeling Global Change. L. – N. Y.: Routledge, 2007. 425 p.

ETHICAL CONTEXT OF STATE MILITARY SECURITY

Vershilov Sergei Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
*Military Educational-Research Center of Air Force "Air Force Academy
named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin" (Branch) in Krasnodar
vershil@mail.ru*

The article aims at showing the ethical context of the military security of the state. The novelty of the research is in the registration of the moral order of the plenipotentiary carriers of military security, which is not conducive to long-term planning. This forces them to respond to the change of military-political projects in the situation of the little bit of time to make a decision. Common sense takes roots in equipping military security subjects with knowledge about their ethical order that will promote the fruitful development of the state.

Key words and phrases: military security; state; power holders; moral order; danger; behavior; society; subjects; ethical level.

УДК 008+821.161.1

Культурология

В данной статье система основных персонажей и конфликтов романа Н. С. Лескова «Соборяне» рассматривается, с одной стороны, как отображение драмы русской Церкви в XIX веке, с другой стороны, как прообраз ее трагедии в XX веке. В каждом из этих исторических периодов русская Церковь оказывалась в ситуации информационно-психологической войны со сторонниками вульгарного материализма, атеизма и нигилизма. Для исследования особенностей данной ситуации используется понятийный аппарат культурологической теории языка В. фон Гумбольдта и синергичной антропологии С. С. Хоружего.

Ключевые слова и фразы: православное мирозерцание; синергичная антропология; Лесков; пророчество; профетизм; прообраз; информационно-психологическая война.

Волков Валерий Вячеславович, д. филол. н., профессор
*Тверской государственной университет
Volk7Valery@yandex.ru*

**РОМАН Н. С. ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ» КАК ОТОБРАЖЕНИЕ
И ПРООБРАЗ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ®**

Многочисленные беды, постигавшие нашу страну на протяжении всего XX столетия, коренятся в духовно-религиозном кризисе, последовательно развивавшемся на протяжении предшествующих веков, особенно в XIX веке, о чем многократно писали, в том числе предупреждая, самые разные философы и богословы (см., например, показательные работы: [1; 16]). Развитие этого кризиса в современной формулировке можно

(даже без специальных оговорок) именовать *информационно-психологической войной* против духовных основ православного мирозерцания – войной, которая связана как с сознательной, так и с неосознанной деятельностью самых разных людей, социальных групп и социальных, церковных и государственных институтов.

Практически все и вся ополчались против Церкви, в исконном евангельском смысле «столпа и утверждения истины» (1 Тим 3: 15, см.: [4, с. 1301]), включая бюрократизированное церковноначалие и развращенных материалистическим «просвещением» прихожан, в силу чего эпиграфом к развиваемым в данной статье параллелизмам между ситуацией «жителей старгородской соборной поповки» [12, с. 5] в романе Н. С. Лескова «Соборяне» и той нацеленной на разрушение духовно-религиозных основ общества информационно-психологической войной против Православия, которая в XX веке достигла апогея, может быть афористический фрагмент из Евангелия от Иоанна о явлении в мир Христа: «...и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин 1: 10-11, см.: [4, с. 1127]).

«Пророческие интенции», как отмечают исследователи, даже в сакральных библейских текстах нередко детерминируются «импульсами, имеющими художественное происхождение» [11, с. 110]. Пророческая устремленность не в меньшей степени характерна и для высокой литературной классики. «Русская литература, – писал Н. А. Бердяев, осмысливая в 30-е годы прошлого века истоки наших исторических катастроф, – самая пророческая в мире, она полна предчувствий и предсказаний, ей свойственна тревога о надвигающейся катастрофе. Многие русские писатели XIX века чувствовали, что Россия поставлена перед бездной и летит в бездну» [1, с. 63]. Однако сколько пророческих предупреждений рассыпано в русской литературной классике, столько же, пожалуй, и не было услышано, – как, например, лермонтовское «Предсказание» («Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет...»), пророчество Достоевского о «трихинах» – «существах микроскопических», но наделенных умом и волей, заражавших людей искушением единственности собственной правоты, пророческие тексты Дрожжина, Есенина, Высоцкого [6; 7, с. 43-53; 8] и многие другие, включая историю жизни и «житие» лесковского протоиерея Савелия Туберозова.

«Необходима искренняя, а не лукаво-наемничья обращенность к Богу в храмовой молитве», – пожалуй, так можно суммировать смысл центрального, переломного момента романа «Соборяне» – проповеди отца Савелия Туберозова перед лицом специально призванных в храм городских чиновников. Во-первых, он упрекнул собравшуюся чиновную «интеллигенцию» за то, что они как «молитвенники» – неискренни, что они «слуги лукавые и ленивые и молитва их не молитва, а наипаче есть торговля... Церкви противна сия наемничья молитва», во-вторых, указал, что такое молитвенное неусердие представляет опасность для государства, и, наконец, завершил проповедь обращением к Господу с мольбой: «...да соблюдется до века Русь... не положи ее, творче и создателю! в посмеяние народам чужим, ради лукавства слуг ее злосовестливых и недоброслужащих» [12, с. 232].

Это пастырское увещание парадоксальным, хотя вполне закономерным для России тех лет образом было воспринято не просто как недопустимая проповедническая «вольность», выходящая за пределы санкционированных консисторией текстов, – чуть ли не как «революция» (ср.: «Старгородская интеллигенция находила, что это не проповедь, а революция и что если протопоп пойдет говорить в таком духе, то чиновным людям скоро будет неловко даже выходить на улицу» [Там же, с. 233]). Евангельски ясный и вполне заслуженный прихожанами проповеднический упрек и молитвенный призыв отца Савелия ожидаемо результировали в то, что на соборного протоиерея ополчилось «общество», а церковное начальство отстранило от служения. Парадоксальным образом ни «общество», ни Церковь в лице епархиальной власти не могут и не желают понять, что тем самым отъединяются, противопоставляют себя не только протопопу Савелию, но символически самоотвергаются и от Христа, а, следовательно, от надежды на спасение как малой личной судьбы, так в перспективе и большой судьбы всего постепенно устроявшегося в 60-е годы позапрошлого века жизненного уклада.

Существо этого *парадокса активного неприятия* искреннего проповеднического слова отца Савелия целесообразно рассматривать, опираясь, с одной стороны, на философские и культурологические представления об энергийной природе языка В. фон Гумбольдта и его последователей (например, В. В. Библихина, см.: [9; 2]), с другой стороны, на представления синергийной антропологии, инициированной С. С. Хоружим [20].

По В. фон Гумбольдту (1767-1835), в ряду важнейших антиномий языка – «несовместимая совмещенность» в нем *энергеии* и *эргона*, то есть «продукта, вещи» и живой «деятельности» (из др.-гр. *energeia* ‘деятельность; энергия’ – от прил. *energōs* ‘деятельный, трудящийся > производительный, плодородный’, складывающегося из прист. *en-* ‘в’ и сущ. *ergon* ‘труд, работа; действие > произведение, вещь’ [5, с. 435, 525]). Знаменитая формулировка Гумбольдта «Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)» [9, с. 70] противопоставляет язык как возможность, как набор «вещей», лежащих на полочках в памяти нашего языкового сознания, и язык-в-действии, как «введенность в действительность» [2, с. 204]. Следовательно, молитва или религия как отвлеченное знание, как *эргон* – это одно, молитва или вера как живое богообщение, *энергеия* – совсем другое.

Молитва «сама в себе ничего особенного не имеет, а всю силу заимствует от того, с каким настроением ее творят. <...> Существо дела в том, чтоб **установиться в памяти Божией, или ходить в присутствии Божию**», – наставлял святитель Феофан Затворник [19, с. 4-5]. Можно, молясь словесно, «...при этом совсем не помнить о Господе и даже держать мысли, противные Ему. Следовательно, все зависит от сознательного и свободного к Богу обращения и труда держать себя в этом с рассуждением» [Там же, с. 7]. Проповедническое слово Туберозова к пастве – «против» раздельности человека и его молитвы в храме, «против» такой молитвы, которая, словно одежда с чужого плеча, вынужденно принята на себя чиновными прихожанами по формально понятой обязанности «ходить пред Богом»; его слово – «за» цельность человека

в молитвенном предстоянии пред Господом, «за» молитву как поступок *целого* человека. Только в таком предстоянии молитва из *эргона* – языковой «заготовки» трансформируется в *энергеию*, вводит человека в действительность богообщения, в условиях храмовой службы – богообщения соборного.

Последняя проповедь Туберозова, в преодоление синодально одобренных проповеднических *текстов*, оказывается живым *словом*, словом-поступком, наполненным энергией духовного действия, обретает бытийную плоть, по аналогии с апостольским: «И Слово стало плотию...» (Ин. 1: 14). Потому у отца Савелия, по его же собственным словам, «жизнь кончилась, и начинается житие» [12, с. 235] как крестный путь во искупление грехов мира – всех старгородских жителей (а учитывая, что *Старгород* – символическая «говорящая» метафора Святой Руси и ее духовных ценностей, то во искупление российского богоотступничества в целом).

Следует специально заметить, что проповедь в синодальный период истории русской Церкви, как это подчеркнуто в романе Лескова, рассматривалась как риторическая «вещь», подлежащая цензуре консисторского чиновника (в романе – отца Троядия), то есть в «энергетическом» дискурсе – эргон, не энергеия. Смысл решающей проповеди Туберозова – обратный, ее интенциональность – в побуждении прихожан, прежде всего чиновников, присоединиться к соборному единству Церкви именно как Церкви – с заглавной буквы, практически заново это единство – распадающееся, почти распавшееся – создать. В такой проповеди как живом душевно-духовном *процессе*, как *энергеие*, «...не индивид вырастает в соборность, а происходит что-то до того, как сформироваться соборности и индивиду, нечто такое, вокруг чего будут потом и соборность, и индивид: явление истины, событие истины в слове, “событие мира”» [2, с. 33]. Потому Туберозов и смотрел на свою проповедь, сознавая все неприятные для него последствия, как на особый долг, о чем и говорил губернскому предводителю Туганову – одному из немногих, кто его вполне, хотя робко, с оглядкой на общественное и консисторское мнение, понимает:

«– Бережных и без меня много; а я должен свой долг исполнять.

– Ну, уж не я же, разумеется, стану тебя отговаривать исполнять по совести свой долг. Исполняй: притыди бесстыжих – выкусишь кукиш, прапорщик будешь, а теперь все-таки пойдем к хозяевам; я ведь здесь долго не останусь.

Протопоп пошел за Тугановым, бодрясь, но чрезвычайно обескураженный. Он совсем не того ожидал от этого свидания, но вряд ли он и сам знал, чего ожидал» [12, с. 184].

Протопоп застенчиво избегает даже мыслей об источнике ощущения Долга как необходимости следовать своему крестному пути. В переводе на современный философский язык, это зов Внеположного человеку Истока [20], в этической огласовке – категорической императив религиозной совести. Это трагический выбор – без надежды на успех следовать зову иерейского предназначения: положить жизнь (судьбу) свою за ближних своих, даже если не оценят, распнут, хотя бы и «не сильно» (В. Высоцкий). В современном религиозно-философском дискурсе: «Ибо по самой сути, твой бытийный жребий – как таковой, как бытийный – совершенно не твой, он равно твой и всех, он – жребий всей “твари падшей”...» [Там же, с. 62].

Таким образом, «энергийный» *долг* протопопа – возродить искреннюю молитву прихожан, чтобы она была действенной, не формальной, чтобы слова ее были энергеия, а не безжизненный эргон – «вещь», лишенная внутренней устремленности и силы.

«Бунт» отца Савелия в его решающей проповеди подготавливается всей *макродинамикой сюжета*, которую целесообразно рассматривать как движение основных персонажей к противоположным граням *антропологической границы* (термин синергетической антропологии С. С. Хоружего [Там же]) – верхней и нижней. Верхняя граница соотносится с *обожением* как основным понятием православной аскетики (особенно наглядно в случае с Туберозовым, *жизнь* которого обращается в *житие*), нижняя граница – с нисхождением по ступеням побуждений, диктуемых сферой бессознательного, в святоотеческой терминологии – низкими *страстями*, такими как гордыня, страх, славолубие, корысть (гротескно-символические фигуры Препотенского с его околонучной *гордыней* и Термосесова с низкой *корыстью* как единственной личностной доминантой).

Существо своеобразной информационно-психологической войны между этими двумя типами персонажей – *в несовместимости линий их внутреннего развития*, суть которых сводится к формулировкам «ко Христу» и «от Христа», при принципиальной невозможности какого-либо «среднего пути». Именно на этом распутье находится и современная Россия, что красной нитью проходит в той качественной религиозной публицистике и художественно-мемуарной документалистике (например: [10]), которая последовательно движется по пути преданной христианской любви к своему Отечеству и его традиционным, веками проверенным ценностям.

Исследователи «Соборян» справедливо отмечают: «...неправомерно связывать роман исключительно с наболевшими вопросами XIX столетия. В романе ставятся и в меру сил решаются извечные проблемы русской жизни, а также вообще универсальные проблемы человечества» [15, с. 178]. Ключевая проблема – выбор той Границы, к которой устремляется существование как отдельного человека, так и целого государства. «...непреодолимое влечение Человека к своей Границе – определяющая черта сегодняшней антропологической ситуации», – пишет С. С. Хоружий в работе, датированной 2002 годом [20, с. 16]. Однако макродинамика сюжета романа «Соборяне», созданного на полтора века ранее (начало публикации – 1867 год), тоже пророчески связана именно с последовательным влечением персонажей к разным типам антропологических границ.

Система персонажей романа в дискурсе синергетической антропологии может быть осмыслена как упорядоченная «энциклопедия влечений»: 1) к верхней границе духовной практики (доходящее до трагической остроты служение Туберозова и его «соборян» – дьякона Ахиллы и священника Бенефактова); 2) к нижней границе бессознательной плененности представлениями о мире и человеке как сугубо материальных

явлениях (беспокойства, которые доставляет «соборянам» и всем жителям Старгорода вульгарный материалист учитель Варнавка Препотенский); 3) к виртуальной границе полной этической и мировоззренческой условности всяких норм и взглядов – «относительности», переходящей в беспринципность (Термосесов как крайнее выражение деструктивного потенциала интеллигентского безразличия к высшим религиозным и следующим из них этическим ценностям).

Суммарный смысл «информационно-психологических», поведенческих, этических и в целом мировоззренческих конфликтов между этими персонажами в их функциях художественных символов – *драма*, перерастающая в *трагедию* извечного колебания между крайностями русского менталитета, строящегося на многочисленных дуальных антиномиях – равно значимых противоположностях [7, с. 157-188], в случае романа «Соборяне» – на антиномии органичной многовековой религиозности, искренней веры и привнесенного с Запада воинствующего атеизма и возрастающего на нем нигилизма.

Соборяне в узком смысле «священно- и церковнослужители соборной церкви» – это три «жителя старгородской соборной поповки», очень, пожалуй, намеренно разные: по внешнему облику, семейному положению, характерам, образованности, сообразительности и прочему. Объединяет их *искренняя вера*, – и она же противопоставляет их почти всему окружению (за показательными исключениями, которые мы здесь не рассматриваем).

Вероятнее всего, не случайно старгородская соборная «поповка» у Лескова представлена именно тремя лицами – очень разными, но именно благодаря своей разности образующими христианское целое. Нераздельность и неслиянность – главные свойства триипостасной Святой Троицы. Мир фрактален («самоподобен»), в его рамках отдельные элементы, отличаясь размерами, подобны между собой, и самое малое в структурном отношении подобно самому большому – от крошечного водоворотика в ручейке до спиралей галактик, от мельчайшего человеческого «я» (дух, душа, тело) или социальной группы вроде семьи (муж, жена, ребенок) – вплоть до триипостасного Бога христиан. Со смертью протопопы целое разрушилось, и вслед за ним ушли из жизни оставшиеся одинокими остальные двое – «непомерный» и «уязвленный» Ахилла и тихий, незаметный Бенефактов, чья личность «есть воплощенная кротость и смирение» [12, с. 6]. Другие персонажи не собираются вокруг собора, как евангельские страдальцы вокруг источника, не «чают движения воды», дабы исцелиться (напомним: «Чающие движения воды» – вариант названия «Соборян», под которым этот роман начал печататься), ибо живут, не сознавая опасности своего душевно-духовного неблагополучия.

В российской истории воинствующее атеистическое мракобесие, отпадение от христианства в чем-то мистичны, рациональному объяснению, по зрелом размышлении, не поддаются. Ни развитие материалистически-позитивистского просвещения, ни небрежение священнослужителей правилами церковной жизни, ни политический нигилизм, развившийся до революционаризма, – эти факторы, каждый в отдельности или все вместе, не объясняют той духовно-религиозной катастрофы, в которой оказалась Россия на рубеже XIX-XX веков и особенно в XX веке.

Общий философский ответ на вопрос *о причинах* давно и хорошо известен: распространение *религии человекобожия* (секулярного гуманизма) – *вместо религии богочеловечества* (в исходном смысле имеется в виду богочеловечество Иисуса Христа как нераздельное совмещение в его личности божественной и человеческой природы, в дальнейшем смысле – процесс обожения отдельного человека и всего человечества в его потенциальном соборном единстве). Однако конкретный *механизм* такой трансформации остается тайной.

Варнава Препотенский, в своей наивности даже иногда симпатичный по сравнению с Термосесовым, – лишь первый, начальный этап нисхождения к плененности страстями. Однако, по сути, – это гротескно-символическая фигура, персонифицирующая «человекобожеское» мирозерцание, проникшее в русскую жизнь. Символична энантиосемия его имени, совмещающего прямо противоположные смыслы. *Варнава* в переводе с древнееврейского – «сын утешения», имя одного из первых христиан, ср.: «**Варнава** – (сын пророчества или утешения) левит по имени Иосия, с острова Кипра. Жил в Иерусалиме в то время, когда основалась христианская церковь и явился одним из первых принявших крещение. Он умел так утешать и такие давать хорошие советы, что христиане и прозвали его Варнавой» [17, с. 445]. Однако исходные мелиоративные коннотации имени в реальном словоупотреблении на страницах романа меняются на противоположные – пейоративные, в уменьшительно-снихождительном, практически пренебрежительном *Варнавка*, в фонетической и семантической переключке с *варвар* – невежественный разрушитель.

Не «сыном утешения» оказывается *Варнавка* для своей матери, – предателем ее веры и жестоким мучителем, который в истории со скелетом, образующим в структуре романа нечто вроде вставной новеллы, оказывается бесконечно глух даже к материнским слезам и мольбам. По иронии лесковского романа, Варнавка Препотенский, подобно своему первохристианскому тезке, также оказался одним из первых в Старгороде, кто стал открытым – и якобы «гонимым!» – приверженцем нового для старгородцев человекобожеского мировоззрения. Особая ирония в том, что его усилиями своеобразному «антивоскресению» подвергается скелет. Надо же было додуматься – не только выварить до костей тело не опознанного и не востребованного родственниками к захоронению утопленника, ничтоже сумняшеся «подаренного» учителю исправником, но и затем, собрав оголившиеся кости в целое, выставить полученный таким образом скелет в своей собственной квартире, в глазах богобоязненной матери! Страдания матери и разрыв Препотенского с ней – как символ разрыва с традицией, с представлениями о богочеловеческой природе тела, хотя бы и мертвого. А. Ф. Лосев, выступая в книге «Диалектика мифа» в качестве не только философа, но и религиозного мыслителя, писал о материализме как мировоззрении: «Научный позитивизм и эмпиризм... есть не что иное, как последнее мешчанское растление и обалдение духа... Этот паршивый мелкий скряга хочет покорить мир своему ничтожному

собственническому капризу. Для этого он и мыслит себе мир как некую бездушную, механически движущуюся скотину...» [13, с. 181]. «Растление и обалдение духа» Варнавки доходит до прямого отречения от матери, ср. фрагмент поистине душераздирающей сцены:

«...Я не хочу с вами нигде в одном месте быть! Понимаете: нигде, ни на этом свете, ни на каком другом.

Но прежде чем учитель досказал эту речь, старушка побледнела, затряслась, и две заветные фаянсовые тарелки, выскользнув из ее рук, ударились об пол, зазвенели и разбились вдребезги.

– Варнаша! – воскликнула она. – Это ты от меня отрекся!

– Да-с, да-с, да-с, отрекся и отрекаюсь! Вы мне и здесь надоели, не только чтоб еще на том свете я пожелал с вами видеться.

– Тс! тс! тс! – останавливала сына, плача, просвирня и начала громко хлопать у него под носом в ладони, чтобы не слышать его отречений. Но Варнава кричал гораздо громче, чем хлопала его мать. Тогда она бросилась к образу и, махая пред иконой растопыренными пальцами своих слабых рук, в исступлении закричала:

– Не слушай его, господи! не слушай! не слушай! – и с этим пала в угол и зарыдала» [12, с. 115-116].

Епископ Феофан, выступая накануне революции 1917 года в Государственной думе в защиту религиозного образования, говорил о невежественных учителях типа лесковского Препотенского: «...что легче для невежды, как отрицать то, чего он не понимает, не знает и не чувствует в своей душе» [Цит. по: 10, с. 43-44]. От бесчувствия к *мертвому* телу, от нигилистического отрицания духовной первоосновы бытия *Варнавка* чуть ли не мгновенно эволюционирует к отречению от *живой* матери. Что дальше? *Тотальное* бесчувствие, что и случилось затем в отечественной истории с «просветителями» типа Препотенского.

Старгородская «интеллигенция», за немногими исключениями вроде Бизюкиной, выступает в романе как лично диффузная масса, как «внесценические персонажи», не заслуживающие не то что портретирования, даже отдельных имен, ее влечет к *виртуальной* границе, топос которой определяется постоянно меняющейся интеллектуально-идеологической модой. Если в хронотопическом ракурсе цель христианской религии и Православной Церкви сводится к макрокатегориям Спасение и Вечность, то (неосознаваемая) цель старгородской «интеллигенции» – *стяжение витальных и социальных ценностей* (в терминологии гуманистической психологии А. Маслоу, см., например: [14]), связанных не с Вечностью, а с сиюминутным. Такая установка обрекает ее субъектов на последовательное соскальзывание вниз по шкале ценностей, что в сюжетике романа проявляется, с одной стороны, в безразличии «интеллигенции» к судьбе Туберозова как символического носителя высших ценностей, с другой стороны, в иронической, но явной симпатии к Термосесову как символическому носителю нравственного и социального зла, потенциальному будущему «демону русской революции», ср.: «О Термосесове говорили как “об острой бестии”»; о протопопе изредка вспоминали как о “скучном маньяке”» [12, с. 241]. Здесь важны не только симпатия к наглецу, шантажисту и клеветнику и безразличие к судьбе человека чистой души, но и частота упоминаний: о первом «говорят» (надо полагать, постоянно и с интересом), о втором лишь «изредка вспоминают».

Смысл заглавия романа «Соборяне», разумеется, хотелось бы прочитывать не только в прямом номинативном значении «священнослужители соборного храма», но и в ассоциации с *соборностью* как важнейшей чертой традиционного русского менталитета, – во всяком случае, как чаяние автора, что в неопределенном будущем старгородский соборный храм станет местом искреннего *энергичного* единения душ всех прихожан. Но сюжетика романа – сложение разных «жизненных линий» разных персонажей – не дает оснований для столь оптимистичной трактовки. Не иначе как пророческое видение посещает жену протопопы Наталью Николаевну перед смертью: вот всё наяву будто маленькое – «...а вот зажмурюсь, – говорит она своему супругу, – и сейчас все станет большое, пребольшое большое. Все возрастают: и ты, и Николай Афанасьевич, дружок, и дьяконочек Ахилла... и отец Захария...» [Там же, с. 264]. Иначе говоря, все «соборяне» старгородские в этом видении «возрастают» – подобно тому как на рубеже XX-XXI веков были канонизированы новомученики и исповедники российские.

Подведём итоги. Не услышаны были в свое время пророческие голоса ни Достоевского, ни Лескова, ни других великих русских классиков. Да и сейчас их пророчества остаются почти не прочитанными, не услышанными. Предупреждение Достоевского о «трихинах», вселяющихся в тела и души, продолжающее сбываться самым неожиданным образом, в том числе в воинствующем художественном и научном постмодернизме, нуждается в современном прочтении, как и «Соборяне» с их предвозвестием мученической кончины праведников.

«Ей [вере] надо было болеть и умереть, чтобы воскреснуть, и эта святая работа совершалась» [Там же, с. 282]. Это не только об Ахилле, усомнившемся за время пребывания в Петербурге в бытии Божиим, но и об общей закономерности – как для человека, так и, наверное, для всего народа. Современный православный писатель и публицист В. Н. Крупин констатирует: «Когда что-то не получается в России, говорят о любых причинах: экономических (коррупция, техногенные катастрофы, невыгодная торговля), политических (не с теми в союзе), социальных (бедность, сиротство, проституция, наркомания), то есть говорится все, чтобы не сказать главное – причина одна – отход от Бога. Долго не было ясной погоды, и сказала старуха: “Живете без Бога, так живите без солнышка”. Вот это “без солнышка” относится ко всему. Св. Иоанн Златоустый выводил неурожай, наводнения, засуху из нравственного состояния людей» [10, с. 227]. Это еще один аспект – уже современной – информационно-психологической войны, которую против собственной страны ведем мы сами – самоосуждением в следствиях, но не в коренной причине, о чем пророчески предупреждал в свое время не только Лесков.

Афористически точно выразил хорошо известную мысль советский и российский философ В. В. Библихин: «Поэзия несет в России службу мысли вернее, чем философия. По литературе мы узнаем, что с нами происходит.

Она называет наше место в мире и определяет будущее. Она надежный инструмент узнавания себя» [3, с. 117]. А те специфические обстоятельства, в которых оказались в середине XIX века лесковские «жители старгородской соборной поповки» и всего Старгорода и которые довлеют над нами донныне, экономно и ярко охарактеризовал А. И. Солженицын в публицистической книге «Россия в обвале»: «...Семи десятилетиям неволи у безбожников предшествовало не лучшее для русской Церкви столетие. Весь XIX век, за малыми исключениями, длился процесс окаменения форм её жизнедеятельности. Он сопровождался отпадением от веры и Церкви большей части образованного класса (по причинам также и *своего* развития). А с XIX на XX стала охладевать и отпадать уже и заметная часть простонародья – что и было одной из решающих подоснов революционного взрыва в 1917. Наряду с подвигами святости в недрах Церкви – в приходской обыденности настаивалась духота, это ясно видели многие иерархи и преданные Церкви миряне (“Соборяне” Лескова)» [18, с. 180-181]. Немецкое существительное *Kulturkampf* в его не буквальном «борьба за культуру», а в противоположном энантиосемичном смысле «борьба против религии как основы духовной культуры» как нельзя лучше передает смысл той развернувшейся в Старгороде борьбы, которая предшествовала проповеди Туберозова и достигла трагической остроты после нее. Финал – смерть всех троих «жителей старгородской соборной поповки», вполне символическая. Роман заканчивается фразой, сулящей надежду: «Старгородской поповке настало время полного обновления» [12, с. 319]. Если бы Лесков знал, что надежды на «полное обновление» России как соборного единства начинают оправдываться разве что только сейчас, в наступившем XXI веке...

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Библихин В. В. Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008. 420 с.
3. Библихин В. В. Слово и событие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 280 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2007. 1376 с.
5. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 1370 с.
6. Волков В. В. Религиозная лирика С. А. Есенина в лингвогерменевтическом прочтении: к постановке проблемы // Текст как единица филологической интерпретации: сб. ст. Новосибирск: Немо Пресс, 2015. С. 142-148.
7. Волков В. В. Филология в системе современного гуманитарного знания: учеб. пособие / Тверской гос. ун-т. Тверь: Изд. А. Н. Кондратьев, 2013. 220 с.
8. Волкова Н. В. Пророчество творческого пути В. С. Высоцкого // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2011-2012 гг. Воронеж: ЭХО, 2012. С. 3-10.
9. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
10. Крупин В. Н. Последний бастион Святости. Господи, спаси Россию! М.: Алгоритм, 2013. 272 с.
11. Лалуев В. Я. Взаимодействие религиозных и художественных сегментов в пророческих текстах: культурно-философский анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. 1. С. 110-114.
12. Лесков Н. С. Соборяне // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11-ти т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 4. С. 5-319.
13. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.
14. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / пер. с англ. Г. А. Балла, А. П. Погребского. М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2011. 496 с.
15. Мехдиева С. Г. Символика имен в «Соборянах» Н. С. Лескова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 10. С. 178-183.
16. Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония: очерки русской историософии. СПб.: Царское Дело, 2009. 496 с.
17. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2-х т. М.: Издание Моск. патриархии, 1992. Т. 1. 1120 с.
18. Солженицын А. И. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998. 203 с.
19. Феофан Затворник. О молитве и духовной жизни. Собрание писем. М.: Правило веры, 2007. 480 с.
20. Хоружий С. С. Очерки синергической антропологии. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.

NOVEL BY N. S. LESKOV “THE CATHEDRAL CLERGY” AS A REPRESENTATION AND PROTOTYPE OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WAR

Volkov Valerii Vyacheslavovich, Doctor in Philology, Professor
Tver State University
Volk7Valery@yandex.ru

The system of the main personages and conflicts of the novel by N. S. Leskov “The Cathedral Clergy” is examined, on the one hand, as a representation of the Russian Church drama in the XIX century, and, on the other hand, as a prototype of its tragedy in the XX century. In each of these historical periods the Russian Church found itself in the situation of information and psychological war with the followers of vulgar materialism, atheism and nihilism. To analyze the specifics of this situation the author uses the conceptual apparatus of the culturological theory of language by W. von Humboldt and synergetic anthropology by S. S. Khoruzhny.

Key words and phrases: Orthodox world-view; synergetic anthropology; Leskov; prophecy; prophetism; prototype; information and psychological war.